

© Звягельская И.Д.¹, © Кадырмамбетов Т.М.²,
© Лазовский С.О.³, © Тюкаева Т.И.⁴

Ближний Восток и ЕС: проблемы, возможности и перспективы

Аннотация. Трансформация отношений ЕС с ведущими арабскими государствами Ближнего Востока определяется как общими тенденциями к укреплению роли и самостоятельности региональных игроков, так и определенными проблемами самого Европейского союза, которые не способствуют росту его авторитета. В статье анализируется восприятие политики ЕС региональными силами на примере монархий Персидского залива и государств Магриба. С одной стороны, ЕС остается важнейшим политическим и экономическим партнером для государств Ближнего Востока, но с другой – демонстрируемая им слабость в решении важных для региона вопросов, а также излишняя идеологизированность подходов становятся дополнительным стимулом для поиска местными государствами более перспективных внешних компаньонов. Глубокие противоречия внутри ЕС по многим вопросам внешней политики,

---

¹ Звягельская Ирина Доновна – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, руководитель Лаборатории «Центр ближневосточных исследований», ИМЭМО РАН (zvyagel@imemo.ru). ORCID: 0000-0002-5937-9997.

² Кадырмамбетов Тимур Мажитович – аспирант, младший научный сотрудник, Центр ситуационного анализа, ИМЭМО РАН (kadyrtm@imemo.ru). ORCID: 0000-0002-3912-599X.

³ Лазовский Станислав Олегович – младший научный сотрудник, Лаборатория «Центр ближневосточных исследований», ИМЭМО РАН (stas-jesin@yandex.ru). ORCID: 0000-0003-1249-3634.

⁴ Тюкаева Татьяна Иршатовна – кандидат политических наук, научный сотрудник, Лаборатория «Центр ближневосточных исследований», ИМЭМО РАН (tatyana-tyukaeva@yandex.ru). ORCID 0000-0003-0758-4187.

внутриполитическая поляризация с настороженностью воспринимаются ближневосточными акторами. Авторитарные ближневосточные лидеры рассматривают европейские нарративы о необходимости демократических преобразований, соблюдении прав человека как вмешательство во внутренние дела. На этом фоне наблюдаемый в ЕС отход от демократии, рост популизма и ксенофобии выглядят как политика «двойных стандартов». В статье подробно рассматриваются как политические, так и экономические и военно-технические связи государств региона с Европой. Торговое партнерство между ЕС и ССАГПЗ базируется на взаимодополняемости экономик. Евросоюз нуждается в стабильных поставках энергоресурсов, а страны Ближнего Востока заинтересованы в европейских технологиях и инвестициях. Негативную роль во взаимоотношениях ЕС с государствами Магриба играет вопрос нелегальной иммиграции: мигранты, вынужденно остающиеся в Евросоюзе, представляют серьезную проблему для стран ЕС. Евросоюз остается крупнейшим партнером для стран Ближнего Востока и Северной Африки, но не меньшую значимость сохраняют традиционные двусторонние связи между европейскими и арабскими государствами.

Ключевые слова: ЕС, Ближний Восток и Северная Африка, ССАГПЗ, безопасность, торговля, инвестиции, технологии, миграция.

Политика ЕС на Ближнем Востоке стала в последние годы предметом особого внимания отечественных и зарубежных исследователей [Евро-Атлантика ... , 2018 ; Шумилин, 2024 ; Тимофеев, 2022 ; Colombo, Soler i Lecha, Otte, 2019 ; Scazzieri, 2023]. Возросший интерес к данной проблеме продиктован определенным парадоксом – снижением авторитета ЕС в регионе при сохранении относительно высокого уровня взаимодействия с местными государствами. ЕС остается крупнейшим торговым партнером, инвестором, поставщиком вооружений и гуманитарной помощи для стран Ближнего Востока и Северной Африки [Внерегиональные акторы ... , 2024]. Именно европейские державы, прежде всего Великобритания, Франция, Италия в силу колониального прошлого и многолетних связей с региональными акторами обладают особыми знаниями о Ближнем Востоке и специфике местных обществ.

В данной статье основной упор сделан на восприятии политики ЕС региональными силами на примере монархий Персидского залива и государств Магриба. Присущее местным элитам уважение к мощным державам, сохраняющаяся военно-политическая и технологическая зависимость от европейских партнеров, торговые

отношения, значительное культурное влияние, казалось, должны были надолго закрепить особые отношения региона с Европой. Однако ситуация меняется. Региональные государства обладают сегодня большей свободой действий и автономией в формировании своей политики и все более критически относятся к ЕС. Более 60% респондентов, принявших участие в опросе Европейского совета по международным отношениям (*англ.* European Council on Foreign Relations, ECFR) в 2019 г., назвали региональную роль ЕС «довольно неэффективной» [Mapping European ... , 2019]. Даже в южном и восточном Средиземноморье европейское присутствие, «похоже, никогда не было слабее. Несмотря на обширные связи с режимами и элитами региона, Европа оказалась неспособной оказать глубокое влияние на ход событий в ключевые поворотные моменты» [Amirah-Fernandez, 2023].

Попытки аналитиков объяснить причины такой трансформации сводятся к нескольким тезисам.

1. ЕС не выработал единой стратегии в отношении Ближнего Востока, который остается крайне сложным регионом, что объективно затрудняет формулирование единой политики [Norreg, 2024]. Концептуально Северная Африка и Левант рассматриваются как «южное соседство» в рамках общей Европейской политики соседства (ЕПС). Турция подпадает под стратегию расширения ЕС, несмотря на фактический тупик в переговорах. Наконец, политика ЕС в отношении арабских государств Персидского залива основана на конкретных обязательствах, включая Соглашение о сотрудничестве между ЕС и Советом сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) от 1989 г. [Aitken, 2025].

2. Европейские страны оказались неспособными внести собственный существенный вклад в разрешение местных конфликтов. «Поистине трогательная настойчивость Франции выступить в качестве посредника в Ливане только доказала ее неуместность. Приверженность ЕС идее урегулирования израильско-палестинского конфликта на основе сосуществования двух государств и финансовые инвестиции не воспрепятствовали ухудшению ситуации на этом фронте. То же касается и европейской дипломатии в Сирии» [Yaari, 2024].

3. Ближневосточные игроки с настороженностью воспринимают внутривнутриполитическую поляризацию и глубокие противоречия внутри ЕС по многим вопросам внешней политики. Как отмечал израильский эксперт Нимрод Горен, «сейчас израильтяне считают

ЕС менее важным, чем прежде. Отчасти это связано с его внутренними разногласиями и все большей замкнутостью» [Mapping European ... , 2019]. По мнению российского исследователя Л.М. Самарской, несмотря на конструктивное взаимодействие с отдельными странами – участницами Евросоюза, Израиль в целом не воспринимает ЕС как союзника [Внерегionalные акторы ... , 2024, с. 64]. Похожую точку зрения высказывает саудовский исследователь Фейсал Абу аль-Хасан: «Большинство саудовских лидеров не воспринимают ЕС всерьез как геополитического игрока из-за способности договориться об общей внешней или оборонной политике» (цит. по: [Mapping European ... , 2019].)

4. Арабских правителей особенно раздражают идеологизированные подходы ЕС к региону. Нарративы стран – участниц Европейского союза о необходимости демократических преобразований, защите прав и свобод человека воспринимаются как вмешательство во внутренние дела (см.: [The European Union .... , 2021]). Поскольку внутри ЕС наблюдаются и отход от демократии, и рост популизма и ксенофобии, требования ЕС выглядят как политика «двойных стандартов». По мнению арабов, в жесткой реакции государств – членов Европейского союза на миграционный кризис 2015–2017 гг. прослеживались элементы расизма. Эту оценку подтвердило отношение европейских правительств к беженцам из Украины, которым на первых порах предоставлялись особо благоприятные условия. Недовольство вызывают и попытки представить ЕС как универсальную модель интеграционного объединения, которая с успехом может работать на Ближнем Востоке.

5. Наконец, стремление европейцев навязать свою повестку дня, предусматривающую давление на Россию в связи с кризисом вокруг Украины, а также и на Китай, противоречит интересам местных сил, нацеленных на диверсификацию внешних связей.

Монархии Персидского залива и ЕС

Военно-техническое сотрудничество

После Кувейтского кризиса 1990–1991 гг. ОАЭ, Катар и Саудовская Аравия начали активно выстраивать собственный боевой потенциал. В середине 1990-х годов были подписаны первые оборонные соглашения с Великобританией и Францией, которые стали крупнейшими поставщиками вооружений и военной техники

(ВиВТ) после США [Wezeman, Kuimova, 2019]. Оборонное сотрудничество включало также проведение совместных военных учений, подготовку кадров для служб безопасности монархий, взаимодействие разведывательных управлений, размещение европейских контингентов ВС на военных базах (в том числе американских) в регионе Персидского залива. С 2009 г. в ОАЭ действует самостоятельная французская военная база.

В 2010-х годах три монархии Залива стали крупнейшими в мире импортерами ВиВТ, которые они масштабно использовали в ходе силового вмешательства в ряд конфликтов на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Катарские и эмиратские ВВС участвовали в обеспечении бесполетной зоны в Ливии (2011) в сотрудничестве с силами коалиции НАТО при инициативной роли Франции и Великобритании. Помимо этого, ОАЭ и Катар играли важную роль в подготовке ливийской оппозиции, а также предоставлении разведывательных данных для европейских союзников [Boswinkel, 2021]. Вооруженные силы и военные базы трех монархий активно использовались в реализации задач международной коалиции в борьбе против ИГИЛ* с 2014 г. Эмиратско-французское сотрудничество имело место в антитеррористических операциях в регионах Сахеля, Северной Африки.

Накопив большой боевой опыт, покупатели европейской военной техники стали не только более «избирательными», но и более требовательными к своим поставщикам. Так, ОАЭ и Катар начали выдвигать к европейским производителям военной техники требования о предоставлении оборонных технологий [Boswinkel, 2021]. Получение доступа к технологиям стало возможным через инвестиции в развитие ВПК некоторых европейских стран. Например, ОАЭ с 2013 г. вкладывались в оборонную промышленность Сербии, занимаясь совместными разработками некоторых видов военной техники [Karčić, 2022]. Кроме того, монархии Залива начали расширять сеть партнерств в военнотехнической и оборонной сфере со странами Южной и Восточной Азии, Африки и Латинской Америки [Sherwood, 2017], что усилило их позиции в торге с европейскими производителями [Boswinkel, 2021].

Европейцы остаются значимыми поставщиками вооружений и техники для Саудовской Аравии (Испания – 10% от общего военного импорта, Франция – 6,2%) и Катара (Италия – 20%, Великобритания – 15%, Франция – 14%) [Hussain, Tartir, 2025].

Для ОАЭ ЕС не входит в тройку основных поставщиков [Weapons ... , 2025]. ОАЭ развивают национальное оборонное производство и даже начинают конкурировать с традиционными лидерами в этой области. Так, в 2025 г. была достигнута договоренность о поставках эмиратских снайперских винтовок в Венгрию – страну – участницу НАТО [Czulda, 2025].

По признанию Луиджи Ди Майо, специального представителя ЕС по странам Персидского залива, ОАЭ, Катар и Саудовская Аравия сегодня являются «лидерами в обеспечении безопасности» на Ближнем Востоке и любое вовлечение внешних сил в дела региона требует координации с ними [Toward a strategic ... , 2024]. Так, в феврале 2024 г. инициированная ЕС операция EUNAVFOR ASPIDES в Красном море, обеспечивающая сопровождение торговых судов, реализовывалась при логистической поддержке со стороны монархий Залива. Последние, впрочем, преследуют собственные интересы в сфере региональной безопасности и публично отказываются «ассоциироваться с какими-либо иностранными коалициями» [Mazzucco, 2024].

Торговля и инвестиции

Монархии Персидского залива представляют собой важный экспортный рынок для ЕС, а также являются инвестиционными партнерами Евросоюза [Trade relations ... , 2025]. Торговое партнерство между двумя интеграционными блоками базируется на взаимодополняемости экономик. ЕС нуждается в стабильных поставках энергоресурсов, а монархии Залива заинтересованы в европейских технологиях и инвестициях.

На долю ЕС приходится примерно 11,1% всего объема торговли монархий Персидского залива. Большую часть экспорта последних составляет топливо, энергоносители и промышленные товары. ЕС поставляет в основном продукцию машиностроения и химической промышленности, а также оборудование.

Данные таблицы 1 демонстрируют, что сальдо взаимной торговли в целом положительное и складывается в пользу ЕС. Однако с каждым годом оно сокращается, и в 2022 г. экспорт из стран ССАГПЗ был сопоставим с европейским.

Таблица 1

Торговля ЕС со странами ССАГПЗ

	Импорт		Экспорт		Сальдо, млрд евро	Общий объем товарооборота
	Объем, млрд евро	% прироста / спада	Объем, млрд евро	% прироста / спада		
2013	48,6		76,9		28,2	125,5
2014	43,3	-11	80,8	5,1	37,5	124,1
2015	36,1	-16,5	91,7	13,6	55,6	127,8
2016	31,9	-11,7	83,4	-9,3	51,4	115,3
2017	36,3	13,8	80,4	-3,5	44,1	116,7
2018	47,1	29,6	74,1	-8	26,9	121,2
2019	43,3	-8,1	78,01	5,3	34,7	121,3
2020	30,09	-30,5	68	-12,8	37,9	98,09
2021	40,6	35	72,9	7,3	32,3	113,5
2022	87,5	115,6	87,8	20,3	0,2	175,3
2023	76,3	-12,8	93,8	6,9	17,4	170,1

Источник: составлено авторами на основе: [European Union, trade in goods with GCC ..., 2024].

Общий товарооборот с 2013 г. в среднем находился примерно на одном уровне, резкий прирост пришелся на 2022 г. и был обусловлен необходимостью ЕС диверсифицировать закупки энергоносителей из-за отказа от их импорта из России. В 2015 г. был зафиксирован пик экспорта на уровне 91,7 млрд евро, после чего произошло снижение до 74,1 млрд евро в 2019 г. С 2020 г. экспорт снова начал расти, достигнув 93,8 млрд евро в 2023 г. Импорт из стран ССАГПЗ в ЕС также показывает тенденцию к росту. Наибольший объем импорта зафиксирован в 2022 г. – 87,5 млрд евро.

Кроме того, наблюдается тенденция к укреплению экономических связей и развитию новых направлений сотрудничества. Совокупный объем прямых иностранных инвестиций ЕС в страны ССАГПЗ составил 215,8 млрд евро в 2022 г. Увеличению объемов препятствуют запреты, существующие в странах ССАГПЗ. Например, действуют ограничения на иностранное владение компаниями в стратегических секторах: нефть, газ, национальная оборона и телекоммуникации [Middle East ... , 2025]. В некоторых монархиях Залива иностранцы ограничены во владении землей [Domat, 2024]. Наиболее привлекательными секторами для инвестиций остаются возобновляемые источники энергии, атомная промышленность, недвижимость и строительство, проекты в области космических технологий и инноваций.

Совместные проекты в сфере «зелёной» энергетики осуществляются как в ЕС, так и в странах ССАГПЗ (в первую очередь – в ОАЭ) при участии Великобритании, Франции, Германии, Испании и других европейских государств. Отмечая активность монархий Залива в развитии «чистой» энергетики, что делает их «более приемлемыми партнерами для Европы с точки зрения климатической повестки» [Mills, 2022], ЕС проявляет большую заинтересованность в сотрудничестве с ними в производстве «зелёного водорода», принимая во внимание, что ОАЭ и Саудовская Аравия стремятся стать мировыми лидерами в этой области.

Монархии Залива рассматривают страны ЕС как выгодные объекты для инвестиций. Особого внимания заслуживает инвестиционная активность стран ССАГПЗ (в первую очередь – ОАЭ) в государствах Западных Балкан – потенциальных членах ЕС [The influence ... , 2018], где «вход» на рынки значительно проще, а потенциальная выгода (пусть даже в средне- и долгосрочной перспективе) – выше. Эмиратское присутствие заметно в Европе и в традиционной для ОАЭ сфере транспорта и логистики: дубайская компания «DP World», один из крупнейших в мире портовых операторов, имеет в своем портфолио 14 внутренних портов в узловых экономических центрах Бельгии, Франции, Германии, Сербии, Швейцарии и Румынии [Our terminals ... , 2025].

Весьма амбициозными представляются намерения по реализации масштабного транспортно-логистического проекта экономического коридора Индия – Ближний Восток – Европа (IMEC), об участии в котором наряду с Индией и США заявили ОАЭ, Саудовская Аравия, ЕС, а также Германия, Франция и Италия.

Несмотря на всю важность сотрудничества с европейскими государствами для монархий Залива, оно во все большей степени зависит от продолжающегося процесса диверсификации их экономических связей. В условиях, когда ОАЭ, Катар и Саудовская Аравия успешно наращивают кооперацию с другими крупными международными игроками, дальнейшее развитие их отношений с ЕС может стать более конкурентным.

Северная Африка и ЕС

Географические, исторические и культурно-цивилизационные факторы предопределили тесное сотрудничество стран Европы (прежде всего, Франции, Испании, Италии и Германии) с арабскими государствами Северной Африки. И хотя эти отношения разви-

ваются давно, в последнее время их характер существенно изменился.

Новый этап взаимодействия

Одной из первых попыток включить страны Магриба в сферу влияния ЕС была Барселонская декларация о развитии партнерства (1995). Позже Барселонский процесс трансформировался в полноценное организационное объединение – Союз для Средиземноморья (2008).

Основные угрозы безопасности для Европы со стороны североафриканских стран – рост радикального экстремизма и терроризма, а также нелегальная миграция. Выработанная в ответ на эти вызовы концепция «авторитарной стабильности» [Видясова, 2018, с. 550–551] продемонстрировала свою несостоятельность во время «арабской весны» – протестных выступлений 2011 г. в арабских странах. ЕС не смог выработать единую позицию по поводу этих событий, а реакция отдельных стран была медленной и непоследовательной. Со времени «арабской весны» страны Европы начали утрачивать прежнее влияние в Северной Африке. Согласно опросам общественного мнения, число граждан Марокко, положительно относящихся к Франции, уменьшилось с 64% в 2022 г. до 54% в 2024 г. [Arab Barometer VIII ... , 2024, p. 37]. Примерно такое же положение дел и в Тунисе, где к Франции положительно относятся только 47% граждан. В 2022 г. негативное отношение к Франции было зафиксировано у 63% алжирцев [Arab Barometer VII ... , 2022, p. 13].

Страны Магриба участвуют в программе ЕС «Южное соседство». Однако, согласно данным Европейского института Средиземноморья (*англ.* European Institute of the Mediterranean, IE MED), только 47% респондентов в Марокко и 43% в Тунисе считают, что программа ЕС отвечает интересам их стран. В Алжире 49% опрошенных были уверены, что интересы и нужды их страны не учитываются [20 years of the European ... , 2023].

В 2021 г. ЕС запустил новую инициативу – «Глобальные ворота» (*англ.* «Global Gateway»), адресованную в том числе и странам Магриба, остро нуждающимся в инвестициях. В частности, в рамках этой инициативы разрабатываются различные проекты в Марокко: строительство железных дорог и инвестиции в развитие водородной энергетики [Внерегionalные акторы ... , 2024, с. 33]. Алжир и Тунис участвуют в проекте по созданию так называемого Южного водородного коридора –

трубопровода длиной 3300 км, предназначенного для транспортировки «зелёного водорода» из Северной Африки в Германию через Италию [Global ... , 2025].

В настоящее время у стран Магриба есть возможности отстаивать свои интересы и более того – оказывать давление на страны Европы по наиболее острым и важным проблемам сотрудничества [Dworkin, 2024]. После начала СВО РФ в феврале 2022 г. многие европейские страны стали искать новых поставщиков нефтегазовых ресурсов, чтобы обеспечить свою энергетическую безопасность. Алжир стал одним из главных партнеров ЕС в энергетической сфере. В 2023 г. доля алжирского газа в общих поставках газа в государства – члены ЕС составила 19% (больше только у Норвегии – 54%) [GECF : l'Algérie ... , 2024].

Страны ЕС стремятся сохранить свою немаловажную роль в области военно-технического сотрудничества со странами Северной Африки. Например, для Египта военные поставки из Европы составляют 78% (32% приходится на Германию, 27% – на Италию, 19% – на Францию) [Trends in international ... , 2025]. Доля французского вооружения в марокканском импорте составляет 15% [Ibid.]. Главным партнером Алжира области военных поставок является Россия (48%), однако руководство страны пытается диверсифицировать свои связи: на долю Германии уже приходится 14% в импорте вооружения Алжира [Ibid.].

Отношения между странами Магриба с 1975 г. осложняет нерешенная проблема Западной Сахары – камень преткновения в двусторонних отношениях между Марокко и Алжиром, двумя лидерами региона. За последние восемь лет Марокко довольно успешно продвинулась в реализации своего плана автономии для Западной Сахары; королевство практически полностью контролирует данную территорию. Однако неопределенная (до недавнего времени) позиция стран Европы вызывала неодобрение как со стороны Марокко, так и со стороны Алжира. Так, Испания признала план Марокко по автономии для Западной Сахары только в 2022 г., а Франция сделала то же самое в 2024 г. Эммануэль Макрон во время своего визита в Марокко фактически признал суверенитет Рабата над Западной Сахарой [Sahara occidental ... , 2024]. Это вызвало недовольство Алжира, а президент страны Абдельмаджид Теббун заявил, что Макрон совершил «серьезную ошибку» [Soutien de la France ... , 2025].

Миграционная проблема

Основной причиной миграции из стран Магриба остаются экономические проблемы: в Алжире их называли важнейшими основаниями для иммиграции 53% респондентов, в Марокко – 54%, в Тунисе – 76%. При этом самыми популярными направлениями эмиграции для стран Магриба остаются страны Европы. Многие из опрошенных были готовы покинуть свою страну нелегальным путем: 41% в Тунисе и Алжире, 53% в Марокко [Data analysis ... , 2022]. Растет число нелегальных мигрантов из Африки южнее Сахары, в частности – из Сахаро-Сахельской зоны, что во многом обусловлено хронической нестабильностью и ростом террористической активности в Мали, Нигере, Буркина-Фасо, Чаде, Судане. Только в 2023 г. из Туниса в Италию прибыло 97 тыс. нелегальных мигрантов из Африки южнее Сахары, что в 3 раза больше показателей 2022 г. [Abderrahim, 2024]. Все более негативное отношение к мигрантам со стороны европейских государств вызывает болезненную реакцию в странах Северной Африки, которые являются миграционным хабом на пути в Европу. Тем более, что ЕС, выстраивая сотрудничество с ними, предполагает, что страны Магриба должны сдерживать потоки мигрантов. Это становится источником недовольства местных элит: вынужденно остающиеся в странах Магриба мигранты представляют серьезную проблему, угрожающую дестабилизацией обстановки в регионе.

Торговые перспективы

Торговые отношения между ЕС и странами Северной Африки – Алжиром, Марокко, Египтом и Тунисом – регламентируются соглашениями об ассоциации, заключенными в 2000-х годах [Negotiations ... , 2025] Данные соглашения, впрочем, считаются малорезультативными, поскольку североафриканские страны не смогли нарастить объемы экспорта и лишь ограниченно диверсифицировали свои экономические системы [Dadush, Myachenkova, 2018].

Таблица 2

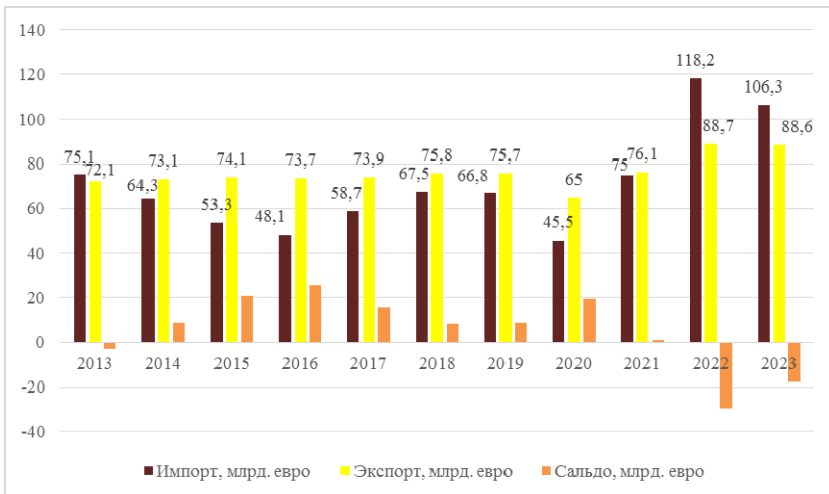
Торговля ЕС со странами Северной Африки

	Импорт		Экспорт		Сальдо, млрд евро	Общий объем товарооборота
	Объем, млрд евро	% прироста / спада	Объем, млрд евро	% прироста / спада		
2013	75,1		72,2		-3	147,3
2014	64,3	-14,4	73,1	1,3	8,7	137,4
2015	53,3	-17,2	74,1	1,5	20,8	127,4
2016	48,1	-9,9	73,7	-0,5	25,7	121,8
2017	58,7	22,2	73,9	0,3	15,3	132,6
2018	67,5	15,2	75,8	2,7	8,4	143,5
2019	66,8	-1,1	75,7	-0,3	8,8	142,5
2020	45,5	-31,9	65	-14,1	19,5	110,5
2021	75	64,8	76,1	17,2	1,1	151,1
2022	118,2	57,6	88,7	16,5	-29,4	206,9
2023	106,3	-10	88,7	-0,1	-17,7	195

Источник: составлено авторами на основе: [European Union, trade in goods with North ..., 2024].

В период с 2013 по 2023 г. (см. табл. 2) объем двусторонней торговли между ЕС и странами Северной Африки вырос со 147,3 млрд евро до 195 млрд евро. Основными экспортными товарами из Европы являются продукты машиностроения, химической промышленности, фармацевтической промышленности, транспортное оборудование, а также оборудование для энергетического комплекса, электроника и солнечные батареи. ЕС импортирует нефть и топливо, продукцию сельского хозяйства, металлы и руды, а также текстиль. Экспорт ЕС чаще превышал импорт, что позволяло наполнять рынки стран региона европейскими товарами, а компаниям из стран ЕС – зарабатывать.

Как видно из графика 1, экспорт ЕС находился примерно на одном уровне в течение девяти лет. Импорт демонстрировал значительные колебания с периодами резкого роста и спада, что было связано с несколькими факторами: последствия «арабской весны», пандемия COVID-19, украинский кризис. Как и в случае с торговлей ЕС – ССАГПЗ, резкий прирост импорта произошел в 2022 г., когда европейцы начали искать новых поставщиков энергоносителей и металлов и резко увеличили закупки из стран Магриба. В целом ЕС остается основным торговым партнером Магриба, несмотря на тенденцию к диверсификации связей с обеих сторон.

Источник: составлено авторами на основе: [European Union, trade in goods with North ..., 2024].

График 1.
Динамика товарооборота ЕС со странами Северной Африки

Инвестиционные проекты

Инвестиционные проекты в странах Северной Африки развивают многие страны ЕС, в особенности – Франция, Германия, Италия и Испания [Бабенкова, 2024]. В Марокко инвестируют преимущественно Франция (30,8%), Испания (8%) и Швейцария (5,7%). Инвестиционные потоки сконцентрированы в промышленности, недвижимости, связи, туризме, энергетике, горнодобывающей промышленности и в банковском деле. Главными инвесторами в Тунисе являются Франция (32%), Италия (13%), Германия (8,6%) и Швейцария (3%). Основные сферы инвестиций – обрабатывающая промышленность, сектор услуг, энергетика, сельское хозяйство, электроника, машиностроение. Инвестициями в Алжир занимаются преимущественно Италия (10%), Франция (10%), Испания (7%), Великобритания (6%). Основными инвестиционными секторами являются промышленность, строительство, транспорт, сельское хозяйство и энергоресурсы [ibid.].

Определенное разочарование, которое многие ближневосточные партнеры испытывают по отношению к ЕС, не снижает практической и символической значимости развития их связей с Евросоюзом; при этом ближневосточные государства стремятся встроиться в формирующийся многополярный мир на более выгодных для себя условиях.

По мере роста самостоятельности и влияния трех монархий Персидского залива они становятся все более требовательными партнерами Европейского союза. Страны Северной Африки в большей степени зависят от ЕС и отдельных его государств-членов, но при этом у них появляется все больше причин для формирования негативного отношения к ЕС.

ЕС воспринимается на Ближнем Востоке как важный, но далеко не единственный партнер в торгово-экономической, военно-технической, технологической и инвестиционной сферах.

Отношение арабских государств к европейским партнерам становится более прагматичным по мере появления новых компаньонов, способных предоставить необходимые товары и услуги и при этом не навязывающих своим контрагентам идейно-политических стандартов, противоречащих существующей реальности.

Литература / References

Бабенкова С.Ю. (2024). Динамика финансово-экономического развития стран Северной Африки : возможности для России в новых условиях / РСМД. – Москва. – 28 с. [Babenkova S.Yu. (2024). Financial and economic development dynamics of North African countries : opportunities for Russia in the new political landscape [Dinamika finansovo-ekonomicheskogo razvitiya stran Severnoi Afriki : vozmozhnosti dlya Rossii v novykh usloviyakh] / RIAC. – Moscow. – 28 p.]. (In Russian).

Видасова М.Ф. (2018). Тунис : маршрут в XXI век. – Москва : Садра. – 696 с. [Vidyasova M.F. (2018). Tunisia : route to the 21st century [Tunis : marshrut v XXI vek]. – Moscow : Sadra. – 696 p.]. (In Russian).

Внерегionalные акторы на Ближнем Востоке. (2024) / Под ред. С.М. Гавриловой, И.А. Бочарова, А.П. Корзун, Д.О. Растегаева ; РСМД. – Москва. – 76 с. [Extra-regional actors in the Middle East. (2024) [Vneregional'nye aktory na Blizhnem Vostoke] / S.M. Gavrilova, I.A. Bocharov, A.P. Korzun, D.O. Rastegaev (Eds.) ; RIAC. – Moscow. – 76 p.]. (In Russian).

Евро-Атлантика сегодня : ближневосточные вызовы. (2018) / Под ред. А.И. Шумилина. – Москва : Международные отношения. – 208 с. [Euro-Atlantic today : Middle Eastern challenges. (2018) [Evro-Atlantika segodnya : blizhnevostochnye

vyzovy] / A.I. Shumilin (Ed.). – Moscow : Mezhdunarodnye otnosheniya. – 208 p.]. (In Russian).

Тимофеев П.П. (2022). // Евросоюз в Восточном Средиземноморье : плохой / хороший полицейский // Борьба за Восточное Средиземноморье : интересы и амбиции. – Москва : Аспект-пресс. – С. 220–241 [Timofeev P.P. (2022). The EU in the Eastern Mediterranean : bad/good cop [*Evrosoyuz v Vostochnom Sredizemnomor'e : plokhoi/khoroshii politseiskii*] // The struggle for the Eastern Mediterranean : interests and ambitions [*Bor'ba za Vostochnoe Sredizemnomor'e : interesy i ambitsii*]. – Moscow : Aspekt-press. – P. 220–241]. (In Russian).

Шумилин А.И. (2024). Ближневосточная политика Европейского союза : в поисках эффективной стратегии // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН / РАН, ИЕ. – Москва. – № 2. – С. 7–14 [Shumilin A.I. (2024). Middle East policy of the European Union : in search of an effective strategies [*Blizhnevostochnaya politika Evropeiskogo soyuza : v poiskakh effektivnoi strategii*] // Scientific and analytical bulletin of IE RAS / RAS, Institute of Europe. – Moscow. – N 2. – P. 7–14]. (In Russian).

20 years of the European neighbourhood policy : a general assessment. (2023) / The European Institute of the Mediterranean. – Barcelona. – 45 p. – URL: <https://www.euromesco.net/wp-content/uploads/2024/05/Full-descriptive-report.pdf> (date of access: 15.08.2025).

Abderrahim T. (2024). Maghreb migrations: How North Africa and Europe can work together on sub-Saharan migration / European Council on Foreign Relations (ECFR). – Brussels. – 05.09. – URL: <https://ecfr.eu/publication/maghreb-migrations-how-north-africa-and-europe-can-work-together-on-sub-saharan-migration/> (date of access: 15.08.2025).

Aitken M. (2025). The EU's new leadership and the Middle East / Fiker Institute. – Dubai. – 27.01. – URL: <https://www.fikerinstitute.org/publications/the-eus-new-leadership-the-middle-east> (date of access: 15.08.2025).

Amirah-Fernandez H. (2023). EU-MENA relations since the Ukraine war / Istituto per gli studi di politica internazionale (ISPI). – Milan. – 05.10. – URL: <https://www.ispionline.it/en/publication/eu-mena-relations-since-the-ukraine-war-146482> (date of access: 15.08.2025).

Arab Barometer VII : Algeria report. (2022) // Arab Barometer / Princeton univ. – Princeton, NJ. – 21 p. – URL: https://www.arabbarometer.org/wp-content/uploads/ABVII_Algeria_Report-EN.pdf (date of access: 15.08.2025).

Arab Barometer VIII : Morocco report (2024) // Arab Barometer / Princeton univ. – Princeton, NJ. – 40 p. – URL: <https://www.arabbarometer.org/wp-content/uploads/AB8-Morocco-Report-ENG.pdf> (date of access: 15.08.2025).

Boswinkel L. (2021). More arms, less influence? Europe–Gulf relations amid regional militarization / Arab Gulf States Institute. – Washington, D.C. – 12.11. – URL: <https://web.archive.org/web/20211112163017/https://agsi.org/more-arms-less-influence-europe-gulf-relations-amid-regional-militarization/> (date of access: 15.08.2025).

Colombo S., Soler i Lecha E., Otte M. (2019). A half-empty glass : limits and dilemmas of the EU's relations to the MENA countries / Istituto Affari Internazionali. – Rome. – 30 p. – URL: <https://www.iai.it/en/pubblicazioni/c28/half-empty-glass-limits-and-dilemmas-eus-relations-mena-countries> (date of access: 15.08.2025).

Czulda R. (2025). UAE transitions from arms importer to competitor with the West // Stimson. – Washington, D.C. – 26.02. – URL: <https://www.stimson.org/2025/uae-transitions-from-arms-importer-to-competitor-with-the-west/> (date of access: 15.08.2025).

Dadush U., Myachenkova Y. (2018). Assessing the EU–North Africa trade agreements / OCP Policy Center. – Rabat. – 40 p. – URL: <https://www.policycenter.ma/sites/default/files/2021-01/OCPPC-PP-18-11-compressé.pdf> (date of access: 15.08.2025).

Data analysis tool : AB Wave VII. (2022) // Arab Barometer / Princeton univ. – Princeton, NJ. – URL: <https://www.arabbarometer.org/survey-data/data-analysis-tool/> (date of access: 15.08.2025).

Domat Ch. (2024). GCC : a magnet for global capital // Global Finance. – New York. – 29.07. – URL: <https://gfmag.com/economics-policy-regulation/gcc-fdi-global-capital-investment/> (date of access: 15.08.2025).

Dworkin A. (2024). The Maghreb maze : harmonising divergent European policies in North Africa / European Council on Foreign Relations (ECFR). – Brussels. – 30.01. – URL: <https://ecfr.eu/publication/the-maghreb-maze-harmonising-divergent-european-policies-in-north-africa/> (date of access: 15.08.2025).

European Union, trade in goods with GCC 6. (2024) / European Commission. – Brussels. – 10 p. – URL: https://webgate.ec.europa.eu/isdb_results/factsheets/region/details_gcc-6_en.pdf (date of access: 15.08.2025).

European Union, trade in goods with North Africa. (2024) / European Commission. – Brussels. – 10 p. – URL: https://webgate.ec.europa.eu/isdb_results/factsheets/region/details_north-africa_en.pdf (date of access: 15.08.2025).

GECF : l'Algérie 2e exportateur de gaz naturel par gazoducs vers l'UE en 2023. (2024) // Algérie Presse Service. – Algiers. – 31.01. – URL: <https://web.archive.org/web/20240131160958/https://www.aps.dz/economie/166095-l-algerie-2eme-exportateur-de-gaz-naturel-par-gazoducs-vers-l-ue-en-2023> (date of access: 15.08.2025).

Global Gateway. (2025) / European Commission. – Brussels. – URL: https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/priorities-2019-2024/stronger-europe-world/global-gateway_en (date of access: 15.08.2025).

Hopper T. (2024). The EU in the Middle East : challenges and opportunities // Geopolitical Monitor. – Toronto. – 30.04. – URL: <https://www.geopoliticalmonitor.com/the-eu-in-the-middle-east-challenges-and-opportunities/> (date of access: 15.08.2025).

Hussain Z., Tartir A. (2025). Recent trends in international arms transfers in the Middle East and North Africa / SIPRI. – Stockholm. – 10.04. – URL: <https://www.sipri.org/commentary/topical-backgrounder/2025/recent-trends-international-arms-transfers-middle-east-and-north-africa> (date of access: 15.08.2025).

Karčić H. (2022). Serbia : The UAE's best friend in the Balkans // Gulf International Forum. – Washington, D.C. – 22.02. – URL: <https://gulfif.org/serbia-the-uaes-best-friend-in-the-balkans/> (date of access: 15.08.2025).

Mapping European leverage in the MENA region. (2019) / European Council on Foreign Relations (ECFR). – Brussels. – URL: https://ecfr.eu/special/mapping_eu_leverage_mena/ (date of access: 15.08.2025).

Mazzucco L.J.M. (2024). Operation Aspidos : The European Union's response to the Red Sea crisis / Arab Gulf States Institute. – Washington, D.C. – 03.04. – URL:

<https://web.archive.org/web/20240501020003/https://agsiw.org/operation-aspidess-the-european-unions-response-to-the-red-sea-crisis/> (date of access: 15.08.2025).

Middle East survey : yearbook 2024. (2025) / I. Zvyagelskaya (Ed.). ; RAS, IMEMO. – Moscow. – 217 p. – URL: <https://www.imemo.ru/files/File/en/publ/2025/MiddleEast-Survey-Yearbook2024.pdf> (date of access: 15.08.2025).

Mills R. (2022). The European Union and Gulf energy : a gateway for cooperation // Arab Gulf States Institute. – Washington, D.C. – 01.07. – URL: <https://web.archive.org/web/20220701172714/https://agsiw.org/the-european-union-and-gulf-energy-a-gateway-for-cooperation/> (date of access: 15.08.2025).

Negotiations and agreements. (2025) / European Commission. – Brussels. – URL: https://policy.trade.ec.europa.eu/eu-trade-relationships-country-and-region/negotiations-and-agreements_en (date of access: 15.08.2025).

Our terminals : connecting Europe's key economic centres. (2025) / DP World. – GERMERSHEIM. – URL: <https://www.dpworld.com/en/eu-intermodal/our-terminals> (date of access: 15.08.2025).

Sahara occidental : Emmanuel Macron réaffirme le soutien à la «souveraineté marocaine». (2024) // L'Express. – Paris. – 29.10. – URL: <https://web.archive.org/web/20241029134237/https://www.lexpress.fr/monde/afrique/sahara-occidental-emmanuel-macron-reaffirme-le-soutien-a-la-souverainete-marocaine-NXOJBX7LC5H63OFQYRICLT2X4M/> (date of access: 15.08.2025).

Scazzieri L. (2023). Europe and a new Middle East / Centre for European Reform. – Brussels. – 05.10. – 5 p. – URL: <https://www.cer.eu/insights/europe-and-new-middle-east> (date of access: 15.08.2025).

Sherwood L. (2017). Risk diversification and UAE foreign policy // The Small Gulf States : foreign and security policies before and after the Arab Spring / K. Almezaini, J.-M. Rickli (Eds.). – Abingdon-on-Thames : Routledge. – P. 144–167.

Soutien de la France au pseudo plan d'autonomie marocain pour le Sahara occidental : «une grave erreur». (2025) // Algérie Presse Service. – Algiers. – 02.02. – URL: <https://web.archive.org/web/20250210043959/https://www.aps.dz/monde/182383-soutien-de-la-france-au-pseudo-plan-d-autonomie-marocain-pour-le-sahara-occidental-une-grave-erreur> (date of access: 15.08.2025).

The European Union and Gulf Cooperation Council : a new path for cooperation? (2021) / A.A. Ghafar, S. Colombo (Eds.). – London : Palgrave Macmillan. – 248 p.

The influence of external actors in the Western Balkans. (2018) / Hånsel L., Florian Feyerabend C., Glos W., Dümmler K., Rey J.D., Sieg M., Beckmann-Dierkes N. – Berlin. – URL: <https://web.archive.org/web/20200215080851/https://www.kas.de/en/web/rlpsee/single-title/-/content/der-einfluss-externer-akteure-auf-dem-westbalkan-v7> (date of access: 15.08.2025).

Toward a strategic partnership? Takeaways from the first EU–GCC Summit. (2024) // Arab Gulf States Institute. – Washington, D.C. – 27.11. – URL: <https://web.archive.org/web/20241121153015/https://agsiw.org/programs/toward-a-strategic-partnership-takeaways-from-the-first-eu-gcc-summit/> (date of access: 15.08.2025).

Trade relations between EU and GCC countries. (2025) / European Commission. – Brussels. – URL: https://policy.trade.ec.europa.eu/eu-trade-relationships-country-and-region/countries-and-regions/gulf-region_en (date of access: 15.08.2025).

Trends in international arms transfers, 2024. (2025) / George M., Djokic K., Hussain Z., Wezeman P.D., Wezeman S.T. ; SIPRI. – Stockholm. – URL: <https://www.sipri.org/publications/2025/sipri-fact-sheets/trends-international-arms-transfers-2024> (date of access: 15.08.2025).

Weapons in United Arab Emirates. (2025) // Observatory of Economic Complexity (OEC). – Cambridge, MA. – URL: <https://oec.world/en/profile/bilateral-product/weapons/reporter/are> (date of access: 15.08.2025).

Wezeman P., Kuimova A. (2019). Military spending and arms imports by Iran, Saudi Arabia, Qatar and the UAE / SIPRI. – Stockholm. – 8 p. – URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/2019-05/fs_1905_gulf_milex_and_arms_transfers.pdf (date of access: 15.08.2025).

Yaari E. (2024). Europe can still make a difference in the Middle East / Washington Institute for Near East Policy. – Washington, D.C. – 02.07. – URL: [washingtoninstitute.org/policy-analysis/europe-can-still-make-difference-middle-east](https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/europe-can-still-make-difference-middle-east) (date of access: 15.08.2025).

DOI: 10.31249/ape/2025.04.02

© Zvyagelskaya I.D.¹, © Kadyrmambetov T.M.²,
© Lazovskii S.O.³, © Tyukaeva T.I.⁴

The Middle East and the EU: challenges, opportunities and prospects

Abstract. *The EU's present relations with the leading Arab states of the Middle East are shaped both by general trend towards increasing independence and autonomy of regional players, and by certain failings demonstrated by the European Union itself, which do not contribute to the growth of its authority. The article focuses on the perception of EU policy by regional players using the example of the Persian Gulf monarchies and the Maghreb states. On the one hand, the EU remains the most important political and economic partner for the Middle East states, but on the other hand, its*

---

¹ **Zvyagelskaya Irina Donovna** – Corresponding Member of RAS, ScD in History, Head of the Center for the Middle East Studies, IMEMO RAS (zvyagel@imemo.ru). ORCID: 0000-0002-5937-9997.

² **Kadyrmambetov Timur Mazhitovich** – PhD Student, Junior Researcher, Center for Situational Analysis, IMEMO RAS (kadyrtm@imemo.ru). ORCID: 0000-0002-3912-599X.

³ **Lazovskii Stanislav Olegovich** – Junior Researcher, Center for the Middle East Studies, IMEMO RAS (stas-jesin@yandex.ru). ORCID: 0000-0003-1249-3634.

⁴ **Tyukaeva Tatiana Irshatovna** – PhD in Political Sciences, Researcher, Center for the Middle East Studies, IMEMO RAS (tatyana-tyukaeva@yandex.ru). ORCID 0000-0003-0758-4187.

weakness in addressing issues important to the region, as well as excessive ideologization of approaches, are becoming an additional incentive for local states to search for more promising external partners. Deep contradictions within the EU on some foreign policy issues accompanied by internal political polarization are negatively perceived in the Middle East. Authoritarian Middle Eastern leaders view European narratives about the need for democratic reforms and respect for human rights as interference in their internal affairs. Against this background, the retreat from democracy observed in the EU, the rise of populism and xenophobia look like a policy of «double standards». The article examines the political, economic and military-technical ties of the Middle East states with EU countries. The EU–GCC trading partnership is based on the complementarity of economies. The EU needs stable energy supplies, and Middle Eastern countries are interested in European technologies and investments. The issue of illegal immigration plays a negative role in the EU's relations with the Maghreb states: migrants remaining in the European Union represent a serious problem for EU countries. The EU remains the largest partner for the countries of the Middle East and North Africa, but traditional bilateral ties between European and Arab states remain equally important.

Keywords: EU, Middle East and North Africa, GCC, security, trade, investments, technologies, migration.

Статья поступила в редакцию (Received) 14.05.2025

Доработана после рецензирования (Revised) 16.05.2025

Принята к публикации (Accepted) 20.05.2025